

Глава первая

КЛАД БАТЬКИ МАХНО

В подземелье было не просто сыро — там было отвратительно сыро. Нет, не так — там было мерзко и сыро. И дело даже не в сырости. (А как ещё должно быть в ливнёвом коллекторе?) Просто всё дело в запахах! Коллектор был старый, но, тем не менее, исправно работавший. В него встроили систему водоотвода дождевой и талой воды с дорожных покрытий, территорий и крыш промышленных и частных строений всего города. Понятное дело, в этот коллектор врезали не только ливнёвку, но и канализационные трубы. Так что запахи были соответствующие. Как говорится, «хорошо в краю родном, пахнет сеном и говном...» Хотя сеном как раз и не пахло. А к канализационной вони примешивались ещё какие-то оттенки, как будто совсем недавно в этом тоннеле полегло немало народу, а с ними погибли полчища крыс, котов, собак и ещё много всякой живности. И все они куда-то были спрятаны. Но вот запах после них спрятать не удалось...

— Долго ещё мы будем здесь бродить? — прокричал зло Сергей, снова чуть не нырнув в какую-то очередную яму, которую в мутной воде, точнее, в мутных канализационных стоках, угадать было совершенно нереально.

Александр в этот момент подсвечивал себе вторым фонариком карту и не ответил. Его налобный фонарик «Циклоп», казалось, задыхался от смрада, который окружал диггеров, и часто-часто моргал.

— Саня, ну сколько можно? Мы тут уже три часа бродим. Пора и перекур сделать! — Сергей подошёл к брату и толкнул его в плечо.

— Перекур? Тебе мало ароматов? Или ты запахом табака хочешь заглушить это амбрэ? — Александр посмотрел на Сергея и улыбнулся. — Ты, кстати, противогаз доставай, я уже понял, куда мы зашли, надо чуть назад и влево, а там грязи по пояс будет. Мы как раз от Короленко перейдём ближе к Днепру, прямо к Серова.

— То есть когда дерьмо по колено, это ещё нормалёк, надо, чтобы по шею было? — Сергею улыбаться почему-то не хотелось.

В отличие от своего брата-близнеца Сашки, он не был всегда таким серьёзным. Разве можно быть таким? Стоит, пялится на тебя, лицо каменное, а потом чего-то как скажет... Поэтому Сергей часто не понимал, когда брат

шутит, а когда говорит по делу. Тем более если дело касалось каких-то очень важных вещей...

Саша и Сергей Юрьевские, закончив школу, решили поступать в Днепропетровский государственный университет на исторический факультет. Только Саша решил стать историком и заниматься научными исследованиями, а вот его брата манила к себе археология. Сергей обожал возиться со всякими древностями, постоянно собирал разные коллекции, причём с военным уклоном — то ножи коллекционировал, то погоны и шевроны всех армий мира. При этом он связался с поисковиками и лазил с ними по раскопам, после чего приносил домой всякое эхо войны — от фляги или россыпи патронов до ржавого штыка или немецкой каски. А однажды притащил целый пулемёт Максима, правда, без лафета и бронещитка. Просто откопал — в буквальном смысле слова — ствол пулемета где-то и притащил домой. Хорошо ещё, что отец у братьев работал в милиции (сначала опером, но потом дорос до заместителя начальника городского управления), а то все те ножи, патроны и прочие «железяки», которые неугомонный Серёга притаскивал домой и которые в Уголовном кодексе трактовались как оружие, довели бы его до вполне реальной уголовной статьи.

В общем, несмотря на поразительное внешнее сходство, братья были совершенно разными по характеру — спокойный и рассудительный Александр и взбалмошный непоседа Сергей. Даже удивительно, что их интересы сошлись на истории — просто оба любили читать. Причём в первую очередь братья читали книги о приключениях, а уже потом доросли до исторических романов. И вот от Мориса Дрюона, Проспера Мериме, Александра Дюма, Виктора Гюго, Генрика Сенкевича и Вальтера Скотта братья перешли к мемуарам и воспоминаниям тех исторических персон, которые не сочиняли, не придумывали, а писали о том, что пережили.

Именно Саша, который был более усидчивым, нежели его брат, раскопал изданные в 1936 году в Париже мемуары Нестора Махно, в которых и наткнулся на одно очень интересное воспоминание знаменитого атамана. В потоке теоретических рассуждений Нестора Ивановича о революции, анархизме, войне, а также среди его живых и ярких описаний боевых действий и своих соратников Саша внезапно прочитал какие-то намеки о некоей казне атамана Григорьева. Нестор Иванович писал, что после того, как части Красной армии выбили Григорьева из Екатеринослава, его хлопцам пришлось спрятать казну атамана в подземном тоннеле. Одним словом, Саша Юрьевский ухватился за это воспоминание Нестора Ивановича

и стал дальше копать в данном направлении. Естественно, своими мыслями он поделился с братом. Тот также заинтересовался кладом.

Но поскольку Сергей был и так одержим кладоискательством — оттого вечно пропадал на различных раскопках, — его больше интересовала практическая сторона дела. Вначале он усомнился в достоверности полученной Александром информации. Раскладывая у себя дома на столе карты и архивные записи, которые ушёл Саня притащил из городской библиотеки, где рылся в архивах, братья отчаянно спорили.

— Да я тоже что-то помню. Просто сам Махно в своих воспоминаниях упоминал про казну атамана Григорьева как-то вскользь. Ведь никто нигде не писал, что Махно приказал спрятать казну атамана в подземном тоннеле, — Сергей вопросительно посмотрел на брата.

— Ещё бы! Кто ж про такое напишет? — Саша рассмеялся. — Ты чего опять начинаешь? Я же тебе всё рассказал.

— Да вот в том-то и дело, что только рассказал! — с досадой ответил Сергей. — Где гарантия того, что вообще этот клад существует? Какой смысл было прятать эту григорьевскую казну, да ещё в коллекторе? За столько лет там столько воды утекло в прямом и переносном смысле. И не только воды! Там дерьма по колёно, а коллектор тот заброшен давно.

Саша пожал плечами.

— Вот именно! На то и расчёт был, что не полезет в коллектор никто. А смысл какой был спрятать эту казну? Да самый прямой! Видимо, Махно не хотел делиться с большевиками григорьевским золотом. А может, не хотел открыто присваивать его себе. Ведь Григорьев со своими бандитами постоянно устраивал еврейские погромы. Ты же помнишь, как Батька протестовал против этих выходов атамана. В Гуляй-Поле евреи как раз входили в первые отряды самообороны. Да и среди его соратников полно было евреев, тот же Лёва Задов...

— Саня, какой Лёва Задов? Что ты байки повторяешь? А ещё будущий историк. Лёва Зиньковский! Точнее, Лев Николаевич Юдкович, он же Лейб бен Иехуда Зодов. Был бы у Махно начальником контрразведки человек с фамилией Задов, щас! — Сергей от возмущения даже повысил на брата голос.

— Ладно, не кипятись, я по привычке. Недавно фильм посмотрел. Толстой вот увековечил соратника Махно... Кстати, он не контрразведку возглавлял, а разведку. Наврали и Толстой, и режиссёры.

— А ты какой фильм смотрел? Рошала? Или этот дурацкий современный сериал, который россияне сняли? — Сергей саркастически улыбнулся.

— Нет, я эти новоделы не смотрю, я как глянул первую серию этого, так сказать, сери-

ала, так и выключил сразу. Я советский фильм семьдесят седьмого года посмотрел, режиссера Ордынского, с Ножкиным и Соломиным в главных ролях. Вот там всё более-менее по правде. Кроме Махно и его заместителя, конечно. Вот там наврали!

Тут Саша прервал сам себя и стукнул кулаком по столу.

— Блин, снова ты меня отвлѣк. Мы о чем с тобой говорим? Об исторической правде! Так вот, евреев у Махно полно было. Кроме Зиньковского главный идеолог анархизма у него был Всеволод Волин, он же Эйхенбаум, председатель Гуляйпольского совета Павел Коган. Так что присваивать себе золото с еврейских погромов Махно было явно не комильфо. — Саша снова развернул на столе карту и стал листать документы.

— Короче, вот карта, я там пометки сделал. Вот воспоминания соратника Махно Петра Аршинова «История махновского движения». А вот книга члена махновского культпросветотдела Михаила Топера, где он упоминает о взятии Екатеринослава Красной армией. И там Топер как раз пишет об исчезновении казны атамана Григорьева. Так что давай собирать факты и наносить все упоминания о кладе на карту.

...Саша ещё раз подсветил карту, на этот раз для Сергея.

— Серый, смотри. От улицы Воскресенской дальше стоки выходят на угол улицы Короленко и поворачивают на Московскую. Мы уже это место прошли. Конечная точка — набережная Днепра. Туда и впадает ливнёвка. То есть нам надо пройти до Серова. И там должно быть небольшое ответвление. Ты помнишь, в своих воспоминаниях Махно точно место не указывает, а только вскользь упоминает, что поручил это дело своему соратнику Семёну Каретникову.

— Да помню я, помню. И Топер писал, что Каретников исполнял наиболее деликатные поручения Махно. Кстати, именно он в июле 1919 года застрелил атамана Григорьева. Наверное, не просто так. Ладно, чего лясы точить, пошли. — Сергей взял фонарик у брата, и пока тот сворачивал и прятал карту, пошёл назад.

Пройдя метров пятьдесят, братья свернули в одно из ответвлений старого коллектора, на которое они раньше не обратили внимание. Ещё бы, центральный коллектор был огромным тоннелем, и хотя кладоискателям пришлось брести по колено, а иногда и по пояс в воде, фонарики хорошо освещали путь. К тому же не нависал потолок, ибо до него было метров пять — предки всё строили на совесть, с размахом. А вот небольшой тоннель, уходящий влево, был довольно узким и в высоту достигал едва ли двух метров.

— Блин, мы там еле протиснемся, забито все мусором, — ругнулся Сергей. — Надо было лопаты с собой брать.

— Ничего, сейчас уже середина мая, основной мусор дожди смыли. Пролезем, — успокоил брата Саша.

— Так это центральный подземный тоннель очистился от мусора. А мы сейчас свернули на ветку, которая идет к Серова. Сам смотри, здесь всякого говна полно ещё, — огрызнулся Сергей.

Первый километр действительно был трудным. В коллекторе чего только не было — и мусор, и пластиковые бутылки, и даже ветки деревьев. Они-то как раз в основном и мешали проходу, и братьям приходилось буквально продираться сквозь эти импровизированные завалы.

— Хорошо, что ОЗК надели. Хоть и парит, но зато без царапин и ссадин, — заметил Саша.

— Ну, во-первых, не ОЗК, а защитный костюм Л-1. Боюсь, ОЗК пропускал бы... И ты прав: в этом говне не хватало только поцарапаться, инфекцию занести, — согласился с братом Сергей.

Общевойсковой защитный комплект действительно не совсем подходил для такого путешествия. Поэтому защитный костюм Л-1, который Александр одолжил у знакомых диггеров, действительно выручил братьев. Они

не промокли, когда опускались в ливнёвку, да и потом, когда брели, ориентируясь по карте в коллекторе, иногда проваливаясь по пояс, этот костюм прекрасно предохранял не только от сточных вод, но и от всей той грязи, которая десятилетиями накапливалась здесь. И хотя в мае уже было достаточно тепло, здесь, в подземелье, уже через три часа после начала своего путешествия кладоискатели ощутимо продрогли, потому что сначала вспотели, а потом, пребывая постоянно в холодной воде, стали замерзать. Но надо было идти — назад дороги не было...

Глава вторая **НЕОЖИДАННОЕ НАПАДЕНИЕ**

Через полчаса тоннель снова стал расширяться. Александр достал карту.

— Так. Похоже, мы уже вот-вот должны выйти к Днепру. Мы прошли пересечение Серова и Ленинградской, ну, то есть Стародворьянской. Как там раньше Серова называлась? Ага, Клубная. Вот здесь пересечение коллектора и стоков с кирпичного завода, которые выходят через Рыбаковскую балку в ливнёвку и идут прямо в Днепр. Именно здесь надо искать. На месте нынешнего оперного театра раньше была церковь. Вернее, раньше был Яковлевский сквер, а уже за ним церковь. Так

вот, именно за церковью и был вход в коллектор. Нам надо пройти сто метров вперед, и слева будет небольшой проход, который вел прямо под эту церковь. Всё, пошли.

Сергей молча взял у брата фонарик и пошёл вперед. Тоннель заметно расширился, и стало вроде бы даже как-то светлее. Уровень сточных вод понизился и доходил до колен. Идти стало легче.

— Самое интересное, — Саша не мог долго молчать, — когда я наводил справки у строителей, то они мне сказали, что о безопасности старого коллектора не стоит беспокоиться. В Историческом музее об этом подземном тоннеле знают. Говорят, что построили его 125 лет назад ещё во времена губернатора Андрея Фабра, и его общая длина составляла десять километров.

— Мы с тобой уже километров двадцать намотали, — огрызнулся Сергей. — Давай, Саня, поменьше болтать, и так дышать нечем. Я уже жалею, что противогазы не надели.

— Ой-ой, какая ты неженка. Что? Задышался? — подколот Саша брата.

— Да нет, в противогазе ты бы не болтал, а то у меня от твоих рассуждений уже уши опухли, — улыбнулся Сергей.

Александр рассмеялся.

— Всё, молчу-молчу.

Через десять минут Саша нарушил своё обещание:

— Так, стоп. Судя по карте, здесь где-то должен быть проход. Слева надо смотреть.

Сергей стал светить фонариком, однако в темноте сложно было что-то разглядеть. Братья начали медленно продвигаться по левой стенке тоннеля, пытаясь если не разглядеть, то хотя бы нащупать проход.

— Есть! — внезапно вскрикнул Саша. — Вот проход, только здесь почему-то какие-то доски.

Сергей подошел к брату. Действительно, слева в стене было ответвление. Но оно было буквально забито старыми досками, ветками деревьев и разным мусором.

— У меня такое впечатление, что этот ход был когда-то заделан, а потом уже забился мусором... — Сергей устало оперся на какое-то бревно, выступавшее из завала.

— Ну, наверное, этот ход забросили тогда, когда на месте сквера построили оперный театр. В ливнёвку скинули весь строительный мусор, короче, забили коллектор напрочь. А потом новую систему стоков проложили, и старый коллектор стал ненужным.

— Так мы в жизни тут не пройдем. Этот завал строительная бригада неделю будет разбирать. И техника нужна. Мы здесь с тобой вдвоём ничего не сможем сделать. — Сергей огорченно сплюнул. — Стоило по коллектору столько брести. Могли бы просто пройти на место бывшей церкви — результат был бы тот же.

— Нет, братик, не тот же. Где находилась бывшая церковь, мы знаем плюс-минус лапоть. Зато точно знаем, что под церковью проходил коллектор, и именно туда спускались люди Семёна Каретникова. То есть место указано точно — коллектор под церковью. И мы как раз в этом самом месте — нам осталось пройти метров пятьдесят.

— И что там?

— А там как раз и будет схрон. Ну, под церковью. Сверху мы его никогда бы не нашли, скорее всего, там даже нет входа в старую ливнёвку. А снизу мы точно выйдем к тому месту.

— Как мы выйдем? — Сергей устало посмотрел на брата, направив ему луч фонарика прямо в лицо. — Ты видел, какой тут завал? Как мы его разгребём?

Саша мягко взял брата за руку и перевёл свет его фонаря на его же рюкзак.

— Эх, ты, практик. По раскопам он лазил. А гранаты я для чего попросил тебя взять?

Сергей удивлённо хмыкнул.

— Вот оно что. Я-то думал, ты гранаты сказал взять для того, чтобы схрон подорвать, если махновцы замуровали клад.

Саша засмеялся.

— Ну, для этого тоже. Как там в мультике про кругосветное путешествие было? «Мудрым пользуйся девизом: “Будь готов к любым сюрпризам!”». Вот как раз такой сюрприз. Так,

доставай гранаты, только лимонки не трогай, бери эргэшки и немецкие колотушки. Как, «эхо войны» не подведёт? А то как в фильме «Брат», через раз?

Сергей, доставая из рюкзака гранаты и складывая их на выступ в бетонной стене, переложил фонарик в другую руку и осветил себе на лицо.

— Не бойсь, братан, лично всё проверял. Ну, не эти, конечно, а ту партию. На полигон даже специально ездил в Войсковое, заодно и пострелял.

— Тебе бы только пострелять. Фанатик, — засмеялся Саша.

— Кто бы говорил. Вон ты свои ножи тоже кидаешь постоянно, а зачем? Нож против пистолета не пляшет, а в ближнем бою и времени не будет его бросить.

— Ты давай закладку делай, стрелок! — Саша взял фонарик у брата и стал обоими светить на место подготовки взрыва. — Пистолет не всегда под рукой. Опять же, а если патроны кончились. А пара ножей всегда при мне, и спрятать легко, и воспользоваться можно быстро.

— Ладно-ладно, не буду я снова с тобой спорить. Надоело. Так, всё, давай подумаем, как подрывать будем. Здесь тоннель, во-первых, нас взрывной волной может запросто достать, во-вторых, наверху услышат.

— Не услышат, я специально подобрал день выхода. Там сейчас наверху как раз идёт ремонт улицы: и асфальт старый снимают, и деревья пилят, короче, шумят — мама не горюй. Гранаты — это тебе не аммонит. А для этих деревяшек, — Саша пренебрежительно махнул рукой в сторону завала, — нашей карманной артиллерии хватит с головой. И как раз хорошо, что есть зазор — мы гранаты положим вглубь завала, а сами пройдем дальше. Так что все осколки и взрывная волна пойдут по прямой в противоположную стену. Гранаты располагай ручками назад, так что основная волна пойдёт именно вперёд. Ну, и в стороны, конечно. Но мусор раскидает, а дальше мы уж сами.

— В принципе, грамотно... — Сергей бережно укладывал гранаты вглубь завала из досок. — Тогда давай так: я репшнуром кольца вот с этой связки двух эргэшек дёрну, а колотушки сдетонируют. Разлёт осколков примерно метров двадцать пять, так что отойдём метров на сорок, как раз я взял сороковку шнура. Звук будет несильным, так, хлопок — это же старая граната, РГ-42. РГД-5 шумит больше, но их сложнее достать. Эти консервные банки я у прапора одного выменял.

— А немецкие у кого дёрнул? — спросил Саша.

— Не дёрнул, а честно выиграл в карты, — хохотнул Сергей. — У копателей выиграл,

у кого же ещё? Так что всё нормально. Ладно, давай, отходим. Не забудь в уши вставить беруши.

Саша вставил ватные тампоны себе в уши, помог это сделать Сергею, затем взял свой рюкзак и рюкзак брата и пошёл вперёд по направлению к Днепру, освещая одним фонариком себе путь, а другим подсвечивая дорогу своему брату. За ним, пятась и разматывая репшнур, шёл Сергей. Когда шнур закончился, он скомандовал:

— Стоп! Нормальная дистанция. Подрываем!

Он резко дёрнул шнур и присел. То же самое сделал и Саша.

Взрыв прозвучал довольно громко — всё же это был тоннель, замкнутое пространство. Непонятно откуда вдруг вместе с дымом из бокового тоннеля взметнулась туча пыли. На месте взрыва моментально выросло дымное облако.

— Бл... забыл, что в тоннеле звук громче... по ушам врезало... — выругался Сергей.

— Да, на полигоне намного тише было, — тут же отозвался Саша. — Кстати, ты не почувствовал? Мне показалось, что детонация какая-то странная была. Не один взрыв, а как бы три — один за другим. Вначале тюкнуло негромко, такой как бы щелчок, как кнутом, а потом уже были второй и третий.

— Да, я обратил внимание, но думал, что от эргэшек немецкие колотушки бахнули. Ладно, пошли, посмотрим, что там... — Сергей хотел было пойти обратно, но брат его остановил.

— Нет, давай постоим, облако это уйдёт, тогда пойдём. Вдруг там не все рванули... — Саша всегда отличался рассудительностью и никогда не спешил.

Братья постояли ещё минут пять, дым постепенно рассеялся, и они вернулись к месту завала. Однако, когда они подошли ближе, их глазам открылась странная картина: никакого завала не было. Перед ними был открытый тоннель, в который легко и свободно мог зайти человек, даже не наклоняясь. Высота прохода была около двух метров.

— Ну, дела! Я знал, что эргэшки наши мощные, но чтобы вот так... — Сергей в недоумении опустил капюшон ОЗК и почесал рукой лоб. — Смотри, Саня, никаких следов не осталось. Ни от гранат, ни от завала... Не может такого быть!

— Ты прав, что-то ведь должно было остаться... — Саша прошёл немного вперёд, осмотрелся.

Тоннель был пуст. Мало того, куда-то ушла вода, которая ещё пять минут назад доходила братьям до колен. Сейчас высота подземных стоков еле покрывала ступни ног. Всё это было в высшей степени странно.

— Ладно, потом подумаем про все эти странности, а пока пошли по тоннелю. Через пятьдесят метров как раз должно быть то место, о котором я тебе говорил... — Саша протянул один рюкзак брату и зашагал вперёд по боковому проходу.

Действительно, вскоре впереди забрезжил какой-то свет. Но удивительное дело: с каждым шагом в тоннеле было всё светлее, и он как бы становился более наклонным. В то же время откуда-то сверху доносился какой-то шум. Это был не шум строительных работ, не шум проезжающего транспорта, нет, это был совсем другой шум. Какие-то сухие щелчки и отдалённый грохот, напоминавший гром.

— Странно, синоптики не обещали дождь, а как по мне, так гроза наверху начинается, — пробормотал Саша, ускоряя шаг.

И вдруг впереди они заметили несколько человек, которые копошились в тоннеле. Один из них поднял голову и увидел приближающихся Сергея и Сашу. Он вскочил и внезапно протянул руку в их направлении, что-то выкрикивая. Группа людей вмиг разлетелась в стороны, как стая ворон. А рука незнакомца дёрнулась, и рядом с Сашей что-то щёлкнуло.

— Назад! Они стреляют! — скорее понял Саша слова своего брата, который, оттолкнув его в сторону, что-то бросил в направлении незнакомцев.

Сергей, сделав бросок, упал, увлекая брата за собой, прямо в воду. Их защитные костюмы не позволили им промокнуть, но всё же было неприятно — грязная жижа плюхнула братьям в лицо. В этот момент впереди мелькнула вспышка и раздался взрыв.

«Серёга кинул гранату», — запоздало подумал Саша.

По тоннелю пронесся вихрь, брызнули осколки. Сергей резко подорвался, таща брата за собой, однако Саша уже справился с ситуацией и самостоятельно рванулся вперёд. Какие-то тридцать метров братья одолели буквально за 10 секунд. Их глазам предстала печальная картина: на камнях, которыми было вымощено дно тоннеля, валялись три человека. Один явно был мёртв, его поза с неестественно вывернутой рукой и развороченным животом говорила сама за себя. Двое других были живы, но получили свою порцию осколков: один лежал без движения и только тихонько стонал, второй пытался подняться, однако у него не получалось — правая нога, похоже, была раздроблена.

— Серёга, ты что? Это же криминал! Нас посадят, и отец не спасёт! Ты же в них гранату бросил! — заорал Саша.

Только теперь он понял, почему так плохо слышит и стоны, и до этого взрыв — в ушах у него до сих пор стояли ватные беруши. Саша

трясущимися руками стал выковыривать затычки из ушей. И вдруг он понял, что Сергей уже несколько секунд ему что-то орёт прямо в ухо.

— ...стреляли! Понимаешь, они стреляли в тебя! Какой на хрен криминал, ты на их одежду посмотри! — Сергей бросился переворачивать тело убитого гражданина.

Только сейчас Саша заметил, что одеты были незнакомцы более чем странно — гимнастёрки, шинели, какие-то колушки. А самое главное, на одном красовалась совершенно нелепая казацкая папаха. И ещё рядом с ними лежало настоящее оружие — винтовки, сабли, револьвер. Видимо, именно из этого револьвера стрелял в него один из этих граждан.

— Саня, очнись. Тебя что, контузило? Я как увидел, что этот, — он махнул рукой в сторону мертвеца, — в тебя целится, сразу схватил «эфку», кольцо дёрнул и бросил. И, видимо, прямо в него и попал. Вот он и дёрнулся, промазал. Он бы тебя тут запросто положил, понимаешь? — Сергей продолжал орать, видимо, все ещё не переключившись после короткого боя.

Саша жестом показал брату замолчать, потом вытащил из его ушей беруши, выбросил их в сторону и спокойно сказал:

— Серёга, спасибо тебе, конечно. Спас! Но при чём тут их одежда? Ты думаешь, в суде можно будет списать на это как на смягчающее обстоятельство? Типа меня взбесила их одеж-

да, и я бросил в них гранату? Кстати, за незаконное хранение ещё срок впаляют.

Сергей недоумённо посмотрел на Сашу. Потом вдруг засмеялся.

— Да, братан, остроумно. Только не будет суда, как мне кажется. Если, конечно, это не какие-то там ролевики и реконструкторы. Хотя чего им здесь, в центре Днепропетровска, делать? Это, Саня, махновцы. Те самые, настоящие, понимаешь? Вот этот, — он показал на мёртвого, — и есть Семён Каретников. Я его хорошо запомнил по архивным фото. Так что каким-то образом мы с тобой попали в прошлое. В тот самый момент, когда они прятали казну атамана Григорьева. А вот, кстати, и она. — И Сергей указал ногой на какой-то небольшой сундучок. Крышка его была открыта, а вокруг на булыжниках валялись монеты, бусы и прочие безделушки.

— Ни х... себе, — только и смог сказать Саша.

Глава третья

ПРЫЖОК НАЗАД ДЛИНОЙ В СТО ЛЕТ

В городе шла пальба. Звуки, похожие на раскаты грома, на самом деле оказались артиллерийской канонадой.

— Пархоменко город берёт. Судя по всему, мы попали в прошлое в тот же день,

когда и вошли в тоннель. Значит, сегодня двенадцатое мая девятнадцатого года. — Саша посмотрел на карту. — Мы сейчас находимся рядом с выходом из коллектора на Серова, то есть на Клубной. Наверху, чуть дальше — церковь и Яковлевский сквер. Мы выйдем сейчас к церкви и в сквере отсидимся. А то шлёпнут нас запросто. Махновцев в городе мало: после того как атаман Григорьев поднял мятеж и выбил Красную армию из Екатеринослава, часть анархистов перешла на его сторону. Поэтому батька и вывел свои части.

— Ничего, Махно, когда его позже, в июне, красные кинут, с Григорьевым снова подружится, — заметил Сергей, проверяя наличие патронов в нагане, из которого совсем недавно Семён Каретников чуть было не застрелил его брата.

— Ну да, а потом сам же Махно застрелит Григорьева. Кстати, парадокс: в нашей истории этот Семён Каретников и стрелял в Григорьева. А ты его кокнул. Кто теперь убьёт атамана? — не к месту вдруг спросил Саша брата.

— Какая на хрен разница! Лишь бы нас с тобой никто не кокнул сейчас.

Сергей разложил в каменной нише два револьвера («Смит и Вессон» с наганом), винтовку системы Мосина, или трёхлинейку, и ещё одну винтовку системы Бердана.

— Вот весь наш арсенал, но, я думаю, винтовки мы точно оставим здесь. Впрочем, револьверы, скорее всего, тоже бросим.

Саша внимательно посмотрел на брата.

— Слушай, сейчас город берут красные. Нас могут просто шлёпнуть на месте. Тем более мы же не пойдём в город в этих вот костюмчиках — нас моментально застрелят. Значит, придётся надеть шмотки махновцев. Только и в этом случае мы из города не выберемся, так как нас красноармейцы примут за григорьевцев.

— Что ты предлагаешь? — Сергей улыбнулся. — Оружие мы точно оставим, потому что отстреливаться — не вариант. Армия в город входит, это не какие-то там шайки бандитские. Начнём стрелять, тут же подтянутся бойцы, и нас моментально сомнут. А без оружия есть шанс сойти за мирных граждан. Жаль, гранаты тоже нельзя будет взять. У меня остались эргэшка и две «лимонки». Спрячем здесь, в тоннеле. Если что, потом вернёмся, когда всё утихнет.

— Согласен. Но у меня есть идея. — Саша встал с корточек и прошелся взад-вперёд по тоннелю. — Давай не будем шмотки махновцев надевать, а пройдем по коллектору до Днепра. Там вылезем и голышом будем. Ну, мол, купались или рыбку ловили, а нас типа ограбили, подели и всё такое. Легче будет вписаться. Красные нас, конечно, арестуют, но пока суд да

дело, пока в городе порядок будут наводить, мы аккуратно поспрашиваем, что да как, а потом легализуемся. С нас взятки гладки: кто да откуда, скажем, что приехали на заработки, а жрать нечего, вот и пошли рыбу ловить.

— Хоп! Согласен. Только давай тогда пару «лимонок» возьмём, типа рыбу глушили. Ну, они же почти не отличаются от тех, что были сто лет назад. Почти такие же. Так что вопросов не будет. Типа шмотки забрали, а гранаты в воде лежали, их не заметили. Ну и если ситуация вдруг пойдёт не туда, можно будет и напугать, и отбиться... — Сергей, как всегда, повернул разговор в конкретную плоскость.

...Вылезать из коллектора оказалось труднее, чем в него влезать, потому что выход был прямо в реку, причем ни поручней, ни лесенки не было, только какие-то вбитые прямо в гранитные камни набережной скобы. В общем, пришлось прямо из коллектора вплавь уходить вправо и там кое-как вылезать на берег. И хотя на улице было достаточно тепло, однако вода и в коллекторе, и тем более в Днепре была очень холодной.

— Дддаа, хоть и мммай мммесяц, а ввводдичка бббоддритт, — стуча зубами от холода, пожаловался брату Саша.

Сергей не ответил, молча расстёгивая рюкзак и выкладывая две гранаты «Ф-1», в про-

сторечии называемых «лимонками». Рюкзак он сразу же зашвырнул подальше в Днепр.

— Зззаччем?! — не утерпел Саша. — Пппригггодился бббы....

— Хрен там! — неожиданно разозлился Сергей. — Сейчас начало двадцатого века. Нет ещё таких рюкзаков здесь и быть не может. Ты хочешь, чтобы нас в расход пустили как шпионов или буржуев? Хорошо, что свои шмотки и ОЗК оставили в коллекторе, надо было и рюкзак там бросить.

В этот момент сверху раздались выстрелы и визг тормозов. Братья переглянулись.

— Так, снимаем трусы — и в реку! — Сергей первым подал пример.

Саша тоже снял свои модные шортики от «Кельвин Кляйн» и молча зашвырнул их подальше в Днепр.

— Всё, теперь остаётся только надеяться, что нас не пристрелят... — Сергей в задумчивости подбросил на ладони «лимонку».

— Граннатты выбрасывваем? — всё ещё дрожа от холода, поинтересовался Саша.

— Да вот не знаю... Давай пойдём наверх, глянем, что там. Выбросить успеем всегда, а то мало ли... Может, эти «эфки» жизнь нам спасут.

Братья осторожно, на корточках добрались к проходу на набережную и выглянули из-за деревянной будки, которая стояла

прямо над выходом коллектора в Днепр. Перед ними разворачивалась сцена, которая была бы больше уместна в голливудском боевике. На улице, которая шла параллельно набережной, стояли два автомобиля. Причём один перегородил движение второму. В одном из автомобилей находились двое красноармейцев, это было видно по будёновкам на их головах и по красным разводам на гимнастёрках. А ещё в авто стоял в полный рост красный командир в чёрной кожаной куртке, в кубанке, с маузером в руке. Рядом с ним за рулём сидел шофёр, тоже в чёрной кожанке, но на голове у него красовалась бескозырка. В другом автомобиле, который преградил дорогу красноармейцам, находилась какая-то совсем уж разношёрстная компания — казачки в папахах и свитках, перепоясанных пулемётными лентами, какой-то хлыщ в пальто и шляпе, но почему-то с саблей в одной руке и револьвером — в другой. Во главе всей этой шайки-лейки находился самый настоящий матрос — в бескозырке и расстёгнутом бушлате, как говорится, грудь нараспашку. Естественно, морская душа в виде тельняшки тоже была опоясана пулемётной лентой. Ещё в машине сидела молодая барышня в пальто и кокетливой шляпке. А матрос стоял во весь рост и угрожал красноармейцам наганом.

Тем временем, пока голые путешественники во времени укрывались за деревянной будкой,

на улице Петроградская стремительно развивался конфликт между двумя группами вооружённых людей.

— А ну стой, сдавайся! Хто такие? Красные? — заорал матрос, нацелив в красного командира свой револьвер.

Но тут вместо ответа довольно рослый командир выпрыгнул из своего авто, выбил кулаком из рук матроса наган и тут же выстрелил в него из маузера. Морячок кулем свалился на землю, и пока его спутники находились в прострации, усатый командир красных заорал своим людям:

— Берите их!

И сам подскочил к людям матроса, выстрелив в личность в котелке, которая уже целилась в него из своего револьвера. Красноармейцы моментально вскинули свои винтовки и сделали несколько выстрелов. Казачки, не успев даже направить на красноармейцев оружие, рухнули замертво на сиденья авто. Девушка в ужасе выскочила из автомобиля и бросилась бежать. Один из красноармейцев поднял винтовку, но командир тут же заорал на него:

— Не стрелять! Пусть себе бежит. Мы ж не бандиты, с бабами не воюем!

Шофёр, сидевший за рулем машины Максюты, был ранен, но поднял руки вверх и встал на колени. Красноармейцы подняли его с колен и подтолкнули к своей машине. Один из

них стал обыскивать шофера, второй осматривал тела убитых.

— Товарищ Пархоменко, это, кажись, Максюта, из банды Григорьева. Видать, он ехал от вокзала к арестантским ротам. Там сейчас пленные григорьевцы сидят, — скороговоркой доложил командиру шофёр автомобиля красных, молодой парень в бескозырке.

— Ты смотри, вот мы попали. Точно, это Александр Пархоменко, командующий частями Красной армии, которая брала Екатеринослав, — зашептал Саша. — А тот, кого он застрелил, — Максюта, правая рука атамана Григорьева. Максюта перебежал к Григорьеву от Махно, — зашептал Саша своему брату.

Сергей только кивнул, внимательно следя за происходящим. Потом повернулся к брату:

— Что делать будем? Выходим?

— Ну, выйдем, бой уже закончился, не шлёпнут. Пошли. Только «лимонки» оставь тут, — ответил Александр и вышел из-за будки.

Следом за ним, прикрывая интимное место, вышел и Сергей.

— Товарищи, не стреляйте! Мы свои, — крикнул Саша на всякий случай.

Красноармейцы, как по команде, вскинули винтовки, а Пархоменко, моментально развернувшись, направил на братьев свой маузер.

— Какие такие свои? Свои ныне, паря, по городу голышом не бегают! Чего срамота та-

кая, без порток тут мудями трясёте? — выкрикнул один из красноармейцев, стоявший ближе к командиру в папахе.

Шофер Пархоменко подскочил к братьям, держа перед собой наган.

— А ну-ка, ребятки, ручки покажите... Да не стыдитесь, не стыдитесь, стыдно тому, у кого не видно, а у вас, поди, от девок отбоя нет, — затараторил матросик, на бескозырке которого была надпись «Иоанн Златоуст».

Братья нехотя подняли руки, к ним подошли один из красноармейцев и сам усатый командир. Он опустил свой маузер, но всё ещё недоверчиво осматривал неожиданных пленников. Красноармеец, повесив свою винтовку на плечо, скороговоркой доложил:

— Товарищ Пархоменко, стало быть, у авто был найден портфель, в ём якись бумаги, чи то списки, чи то карты — хрен разберёшь, а ишо — фотографические карточки и деньга царская, целые кучи.

— Товарищ Пархоменко, мы — простые студенты, приехали на каникулы к родным, а тут война, еды нет, пошли рыбу ловить, а тут бандюки какие-то нагрянули, одёжку всю забрали, с документами, со всем, — быстро стал пояснять командиру Сергей.

— Тихо-тихо, господа студенты, — зашикал на него шофёр-матрос, обходя сзади. — Шо у вас всё забрали, мы видим и с пониманием

внимаем. Но вот вопрос до вас есть: а какого лешего вы попёрлись рыбку ловить, когда стрельба по всему городу идёт?

Обернувшись к командиру, он добавил:

— Товарищ Пархоменко, надо бы тут осмотреться, а то вдруг эти молодчики решили просто от атамана дезертировать, как увидели, шо ему конец приходит?

Командир неожиданно ответил густым басом:

— Та не, товарищ Чубенко, не того это полёта птицы, пацанва — сам не видишь? Для бандитов слишком уж у них лица городские, интеллигенты, мать их за ногу.

— Так, товарищ Пархоменко, не могли ж их до исподнего разоблачить, шо ж, отак всё сняли? Ну, портки, там, рубашку — енто да, сапоги — понимаю, а кальсоны сымать — это ж даже бандюки не стали б на такое иттить. Григорьевцы и так прибарахлились за эти дни, шо им та одёжка? Шлёпнуть — шлёпнули б, а пошто раздевать? — вмешался в спор красноармеец.

Тем временем матросик спустился к воде и стал внимательно разглядывать то место, откуда появились Саша и Сергей.

— Товарищ Пархоменко, мы только рыбу ловили, родные в село уехали, пропитание добывать, а у нас хоть шаром покати, только хлебаца малость, — включился в разговор Саша.

И тут появился товарищ Чубенко, как назвал своего шофёра в бескозырке сам Пархоменко.

— Хлебушек, говорите, имеется? Вот этот? — Матросик держал на раскрытой ладони пару «лимонок», которые Сергей оставил на берегу. — Вот, товарищ Пархоменко, какие игрушки у этих вот мальчиков. На бережке мирно себе таки лежали, видать, рыбку собирались глушить, да? — проговорил сквозь зубы Чубенко, обращаясь в конце своей речи к братьям.

Пархоменко прищурился.

— Ну и как вы это поясните, хлопцы? — спросил он.

— Так правильно сказал ваш товарищ, рыбу глушить хотели. А чем нам её словить? Мы ж не рыбаки, сетей нету. Раньше, вон, возле Амурского моста собирали, её там много было, когда пушки садили по вокзалу и пригородам. А потом там такая пошла жара, что как бы самим не попасть на сковородку. Вот сюда и пришли. Ну и тут нас прищучили, как говорится, — с улыбкой ответил Сергей.

— Ты гляди, шкет, а ведь он, товарищ Пархоменко, нас не боится, — восхищённо цокнул языком Чубенко. — Не боишься, шо мы тут вас и шлёпнем? Григорьевцев вона десятками стреляли, под горячую революционную руку и вы сойдёте.

— Погодь, товарищ Чубенко. Ну сам видишь, на бандитов они никак не выходят. Если бы мы белых выбили, то ещё могли бы быть юнкерами сопливыми, да откуда тут щас юнкера? Сынки буржуйские — это да, вона какие гладкие. Не похоже, щоб голодали. И руки у них белые та чистые, ремеслом не торкнутые. Ладно, везите их на бандитском автомобиле в тюрьму, — распорядился Пархоменко. — Только накиньте на них одёжку какую, вон, пусть с бандитов снимут портки и всё, что там надо. Чубенко, отвезешь, бери себе одного бойца, вот, Сидорчука, а мне надо срочно в штаб.

— Слыхали, барчуки? — Красноармеец постарше толкнул Сергея в спину по направлению к бандитскому автомобилю. — Идите, прибарахлитесь, да потом убитых складайте на дно антамабиля. И поедем.

— Куда? — все же спросил Саша.

— Куды-куды! На Кудыкину гору. Вон туды, в арестантские роты, тама у нас тюрьма, григорьевцев тудя всех посадили. Мож, увидите тама ваших обидчиков, шо одежонку у вас умыкнули, коли не брешете! — красноармеец развеселился.

— А точно, Сидорчук! Глядите, ребятки, а вдруг увидать сведётся со своими обидчиками? Мы там бандюков много собрали, не заскучаете. А там ваши мутные личности проверим. Ежели вы то, что тут нам расписали наглядно,

правда — так гуляйте морем, только голышом больше не бегайте по городу, — засмеялся матрос Чубенко.

Братья стали стягивать с убитых одежду и, брезгливо морщась, напяливать на себя чужие штаны, рубахи и сапоги.

До тюрьмы доехали быстро — арестантские роты находились недалеко, на том месте, где в будущем Днепропетровске располагались областной Совет и областная администрация. Так что проехали практически по улице вверх несколько кварталов. Во дворе братьям снова пришлось выгрузить трупы, которые подскокившие личности, видимо, из арестантов, сноровисто куда-то унесли.

А Сергея и Сашу завели в старое двухэтажное здание и, записав их фамилии и имена в какую-то амбарную книгу, проводили по коридору в одну из многочисленных камер. Дверь за ними захлопнулась, и они, повернувшись, поняли: их первый день в прошлом начинается очень даже специфически.

Глава четвертая ТЮРЬМА И ВОЛЯ

Камера была, что называется, набита битком. На деревянных двухъярусных нарах и вокруг них, в том числе и на полу, угнездилился какой-то рой из человеческой массы.

Многие были полураздеты — в камере остро воняло портянками, невытым человеческим телом, махоркой и ещё бог весть чем. И если бы не специфический гардероб многих сидельцев, то картинка сильно напоминала бы Сергею и Саше суровые 90-е годы постсоветской действительности в визуализации бандитских сериалов и документальных фильмов о воровской жизни.

Многие персонажи были весьма колоритны и как раз напоминали растиражированный в российском кинематографе так называемый блатной мир. Присутствовали и наколки, и картишки, и даже выделялась группа явного отрицалова, сидевшая, как и положено, на лучших местах в самом центре камеры, за столом. Точнее, за неким дощатым подобием стола. Именно из этой группы моментально вывернулся какой-то разбитной паренёк с приклеенной к губе папиросиной, в тельняшке и брючках клёш. И, конечно же, с бескозыркой, сдвинутой на самый затылок.

Типчик вихляющей блатной походочкой подошел к братьям, внимательно, с некоторой долей презрения осмотрел их с ног до головы, а потом, бочком-бочком, чуть отодвинулся и, обернувшись к своим корешам, немного визгливо произнёс:

— Братва, глянь, кого в нашу гавань занесло! Барчуки приплыли! Надоть их малёхо

экспроприировать, вон, на одном сапоги какие справные! А ну-ка, ваше благородие, господин-товарищ-барин, скидывай свою обувьку — у пролетариата ноги мёрзнут!

К слову, по камере этот субъект почему-то передвигался босиком. И хотя было довольно душно, но каменный пол явно теплом не отдавал.

Братья молчали. Сергей, посмотрев на Сашу, тихонько кивнул ему: мол, я начну, ты прикроешь спину. Но этот кивок тут же отметил разбитной матросик.

— А чегой-то мы такие неразговорчивые? Чегой-то воротите морду лица от революционного элемента? Мы ради революции кровь проливали, жизней своих не щадили, а эти вот кровопивцы-баре нас гнобили. Скидывайте обувьку, и чито там у вас есчо? Борцам за правое дело надо твёрдой поступью выходить на борьбу за мировую революцию!

Матросик подошел к Сергею вплотную и как бы легонько взял его за отворот крестьянской свитки, которая была на нём.

— Ты, матросик, на каком корыте и в какой луже плавал? Может, не наплавался ещё? Так я тебе помогу.

С этими словами Сергей правой рукой аккуратно и даже как-то бережно взял левую руку моремана, обхватив его большой палец и внезапно вывернул ладонь, державшую его за

отворот свитки, наружу. Не ожидавший сопротивления морячок запрокинулся назад и влево, а Сергей второй рукой продлил его траекторию. И незадачливый экспроприатор, прокрутив в воздухе что-то напоминающее арабское сальто, приземлился в угол, аккуратно рядом с ведром, которое, судя по всему, выполняло функции туалета.

На какое-то мгновение гул, стоявший в камере, прекратился. И только визг приземлившегося прямо на парашу подстрекателя будто бы включил сидельцев в режим повышенной активности. Камера загудела, как растревоженный улей, послышались отдельные угрозы. Но громче всех верещал морячок:

— Ах ты ж... вы ж... буржуи недорезанные, сынки кадетские, мать вашу.... В Господа душу мать... я вас чичас распишу под орех... шас вас...

Большинство слов короткого спича этой пародии на воровскую «шестёрку» было явно не из словаря Даля, некоторые слова братья даже не поняли, но матерное направление речи они уловили верно. И как только матросик подскочил к ним уже с непонятно откуда взявшимся ножом, Саша, стоявший за спиной брата чуть ближе к месту падения экспроприатора, коротким боковым ударом ноги отправил его обратно в плавание на парашу. Судя по всему, неожиданный и сильный удар в печень не только

потушил напрочь всю агрессивность нападавшего, но и на какое-то время выключил у того звук, потому что экспроприатор, шипя и присвистывая, скорчился в углу, не имея возможности даже вздохнуть. А Саша, спокойно подобрал упавший ножик, снова встал за братом и спокойно произнёс:

— Вы, господа-товарищи, нехорошо себя ведёте. Негоже так встречать сокамерников. Не хотите вначале поздороваться?

— А чо нам с тобой, шкет, здороваться? Тебе твоё здоровье тут больше не понадобится, — прогудел рослый амбал, который по еле заметному кивку пожилого мужичка в котелке и фраке с манишкой поднялся из-за стола и пошёл на братьев.

И снова Сергей остался стоять, где стоял. Только улыбнулся:

— Не хочешь, значит, здороваться? Ну тогда давай сразу прощаемся!

Из-за его спины внезапно выпрыгнул Саша и в прыжке нанес детине сокрушительный удар коленом прямо в подбородок. Наверное, вся камера услышала, как у того лязгнули зубы, и не пожелавший здороваться с новоприбывшими со всего маху рухнул назад, как подрубленный могучий дуб. Падая, он проломил хлипкое подобие стола и стукнулся своей башкой о бетонный пол. А Саша, как ни в чем не бывало, произнёс:

— Вы, дяденьки, зря на нас тут бочку катите. Маленьких обижать — грех! Вот видите, этих Боженька уже наказал. А если будут ещё какие желающие, то мы можем и осерчать. Пока что это были цветочки, но будут и ягодки.

Саша по-прежнему улыбался, но это была улыбка удава Каа перед бандерлогами. Впрочем, вряд ли кто из обитателей камеры читал Киплинга, тем более они и не могли ничего знать о любимом детском мультике Александра.

Видимо, до братвы второй урок также не дошёл, потому что сразу трое парнишек поздоровее молча бросились на наглецов. Однако эффект был столь же быстрым, а финал для нападавших оказался столь же плачевным. Первого казачка в кубанке и меховой безрукавке поверх традиционной здесь тельняшки Саша подпустил к себе вплотную и встретил сразу тремя ударами — локтем в лицо, ударом кулаком той же руки в висок и одновременно, перехватив левой рукой правую руку нападавшего, в которой тот держал нож, прямым ударом ноги в живот отправил казачка в полёт на нижний ярус нар. Нож почему-то остался в руках у юноши.

Одновременно Сергей, резко ударив второго нападавшего расслабленными пальцами по лицу, как плёткой, хлестнув по глазам, заблокировал его правую руку с кастетом. И в

этот же момент нанёс удар ногой в пах третьему бандиту, который собирался обрушить на его голову какую-то палку. И пока тот, квакая и хватая ртом воздух, оседал на пол, Сергей вывернул руку первого напавшего на него, проведя классический рычаг кисти наружу. В результате тот свалился на пол и там и остался лежать, потому что Сергей добавил ему в падении удар ногой в бедро, так что в ближайшие полчаса на ноги встать этот штрих не смог бы.

Всё произошло настолько быстро, что обитатели камеры не успели даже оценить случившееся. Хотя не все были в ступоре. Тот самый высокий пожилой мужчина в котелке и фраке с манишкой сделал правильные выводы. По его кивку поднялись сразу человек десять с весьма уголовной наружностью. В руках у некоторых были ножи и кастеты.

— Я так понял, что вы ничего не поняли. Тогда придётся ваши кишки намотать на ваши же ножички, граждане нехорошие, — спокойно произнес Сергей. И вдруг заорал, выхватив из кармана... «лимонку»: — А ну, падлы, на землю, мать вашу перемать... в богадушмать...

И загнул такую сложную матерную конструкцию, что тот самый тип в котелке удивленно приподнял бровь и уже с уважением посмотрел на братьев! А поднявшиеся было с нар и лавок арестанты по его кивку снова уселись на свои места.

— А вы, молодые люди, не робкого десятка. И за себя ответить в состоянии. Уважаю. — «Котелок» встал со своего места и шагнул навстречу братьям.

— Позвольте отрекомендоваться. Арон Давидович Канторович, он же Барон. Здесь с апреля, арестован Екатеринославской ЧК за лекцию «Анархизм и советская власть». Анархист. Из мещан. Окончил три курса Народного университета имени Шанявского в Москве. Известен как один из участников экспроприации Московского общества взаимного кредита. Мы тогда взяли неплохие деньги, примерно восемьсот тысяч рублей ассигнациями. Вы, молодые люди, уж извините за столь неожиданный приём, надо же было удостовериться, кто вы есть. Здесь у нас в основном сидят люди, пострадавшие за революцию от большевиков, часть из армии батьки Махно. Наверное, слышали о таком?

С этими словами Барон протянул руку братьям. Сергей шагнул вперёд и пожал протянутую руку. То же самое сделал и Саша. Он первым начал разговор:

— Про Нестора Ивановича мы слышали. И про восстание атамана Григорьева — тоже. Если я не ошибаюсь, как раз сейчас красные захватывают город, а сюда свозят всех, кто был с Григорьевым. Насколько мы слышали, Махно как раз увёл свои части из Екатеринослава и Григорьева не поддержал.

Канторович внимательно поглядел на ребят.

— Сдается мне, для буржуйских сынков вы слишком осведомлены о происходящих событиях. На чекистов вы не похожи... Да и зачем ЧК засылать вас в этот клоповник? Может, вы из деникинского ОСВАГа?

Сергей усмехнулся:

— Что вы. Какие из нас разведчики, да ещё у Деникина. Про то, что Махно и Григорьев на ножах, мы же видели, когда Григорьев захватил Екатеринослав. И воззвание Нестора Ивановича читали. Нас самих вон большевики за григорьевцев приняли и сюда привезли. Мы видели, как они Максюту застрелили.

Барон встрепенулся.

— Шо? Максюту убили? Эх, какой хлопец был! Говорил ему, дураку: чего ты тянешься к этому петлюровцу? К этому царскому прапорщику... Сгубил себя и хлопцев! — И снова обратился к Сергею: — Ну, ладно, вижу я, шо вы таки ребята боевые, настоящие анархисты. Мы таким всегда рады.

— Мы пока что не анархисты. Хотя идея нам симпатична, но мы сами по себе. Мы из Питера приехали к родителям, сейчас в Питере голодно, да и учиться негде, — ответил Саша.

Барон хитро прищурился:

— Вижу, уже научились. Вон, бомбы в карманах носите. Видать, хорошее учебное заведение, да, молодые люди? А охранники как

были лопухами, так ими и остались. Так и пулемёт сюда кто пронесёт. Ну, вы проходите, садитесь, а бомбочку вашу, может, спрячете от греха?

Братья сели на лавку, арестанты оттащили тела polegших в драке и ещё не пришедших в себя, кое-как собрали развалившийся стол, на который тотчас были выставлены чайник с теплым варевом, которое Канторович назвал чаем, а также хлеб, сало, лук и несколько варённых в мундире картофелин.

— Угощайтесь, чем Бог послал, и ещё раз прошу простить меня за это небольшое недоразумение. Где это вы так лихо научились руками и ногами махать? Я такого и не видывал, хотя в Америке довелось пожить. Видел и бокс, и французский сават. Вы, наверное, за границей этих премудростей нахватались? — Барон лукаво посмотрел на Сергея.

Сергей улыбнулся:

— Нет, господин хороший. Или товарищ? Как к вам обращаться?

— Можете называть меня Барон. Вроде и фамилия, и титул, и прозвище, — ответил Канторович.

— Ну, ладно, Барон так Барон. Так вот, Барон, мы с братом за границей ещё не бывали. Наши родители хоть и дворяне, но обедневшие. Отец преподавал в Павловском военном училище, а мать давала уроки пения. Сейчас

ради заработка она вынуждена петь в гостиных и на концертах, в общем, везде, где платят. Отец тоже пока без работы — хорошо ещё, что красные его не арестовали и не расстреляли, как многих офицеров. Варит гуталин и продает на рынках. Так что мы с братом на барчуковто особо и не похожи... — Сергей налил себе в кружку из чайника.

«Чай», на удивление, оказался хорош: какие-то травы, заваренные и настоянные, судя по всему, со знанием дела. Впрочем, голод уже давал о себе знать, так что и Сергей, и Саша, не чинясь, стали уплетать и хлеб с салом, и картошку, запивая все это травяной настоек. А предводитель арестантов продолжал их прощупывать.

— Я вижу, шо хотя вы люди и образованные, но вот ваша одежка как бы с чужого плеча. Как тут говорят некоторые наши товарищи, — Канторович повёл рукой вокруг себя, — не по масти клифт.

— Так сами понимаете, время тревожное, — ответил Саша, жуя. — Пошли рыбку ловить, а тут какие-то вроде ваших «товарищей» наскочили.

Он улыбнулся, скопировав жест Барона, махнул рукой вокруг себя. В камере сдержанно хохотнули.

— Весёлый малый, — восхищённо воскликнул уже оправившийся от драки тот самый

разбитной матросик, который первый затеял свару.

— Этот малый тебя на нужник посадил. Как, поплавал там? — захохотал амбал, который сам недавно побывал в нокауте.

— Тебе он тоже засветил не слабо, — огрызнулся мореман. — Я один, что ль, валялся тут? Камера уже откровенно заржала.

— Так вот, — Саша переждал, пока шум стихнет. — Нас вежливо попросили поделиться одеждой.

— А шо ж вы их не отбуцкали, вы ж мальчишки не простые, — прищурился Канторович.

— Когда на тебя револьверы и винтари направлены, сильно не потрепыхаешься. Одежду новую можно добыть, а жизнь — она одна. Новую не наденешь, — ответил Саша. — Вы, Арон Давидович, ежели в чём сомнение имеете, так спрашивайте. Одежку вот эту мы сняли с убитых хлопцев вашего Максюты, когда они на красных наскочили. Не голышом же нам сюда являться?

— Надо же, запомнил, как меня зовут. Молодец. А чего они вас прихватили? Вы каким боком к Максюте? — никак не мог угомониться Канторович.

— Я ж говорю, рыбку пошли ловить, жрать-то что-то надо, — вмешался в разговор Сергей.

— Ловили вот на эти ваши замечательные игрушки? — усмехнулся Канторович.

— А как же ещё? Кинул в Днепр, бац — и ужин собирай, а то и обед на два дня, — ответил Сергей.

— И где подобные игрушки надыбали? На кустах, небось, растут? — хохотнул амбал, стоявший за спиной у Барона.

Тот обернулся назад и глянул на свою «шестьёрку». Тот сразу перестал улыбаться и заткнулся.

— Мирон хоть и дурной, но иногда вопросы правильные задает. Такие бомбы на улице не валяются.

Саша допил «чай», вытер рукой рот и ответил:

— Сейчас на базарах всё что хочешь можно найти, были бы гроши. А мы в январе видели, как петлюровцы с махновцами и красными бились. Потом, когда перестали стрелять, ходили там, посмотрели. Кое-что нашли. И для рыбы, и не только для рыбы.

— Да, вижу, что хлопцы вы не простые. Боевые, можно сказать. Таких бы к нам, в Повстанческую армию батяки Махно! — Канторович стукнул кулаком по столу.

Стол подозрительно затрещал.

— Будет день — будет песня... — Сергей многозначительно посмотрел на дверь. — Для начала отсюда надо выйти. Мы, когда ехали сюда, слышали, как красные переговаривались, мол, надо всех григорьевских бандитов к стенке поставить.

Канторович нахмурился.

— Да уж, красные шутить не любят. Меня вон за агитацию упекли. А кого я агитировал? Я пояснял трудящимся текущий момент и наше место в этом моменте. Не любит советская власть нас, анархистов. Но тогда не шлёпнули, а теперь точно шлёпнут.

— Так чего ж тут сидеть? У меня две гранаты, подорвем дверь — и на волю. Тем более что пока красные с Григорьевым схлестнулись, то на нас у них нет времени. А как выбьют атамана из Екатеринослава, всех точно в распыл пустят... — Сергей встал, и окончание его речи было обращено не только к Барону, но и ко всем обитателям камеры.

В этот момент за окном, которое было заграждено решёткой, раздались крики, выстрелы и ржание лошадей. Парочка арестантов кинулась выглядывать в окно.

— Барон, там, кажись, григорьевцы нагрянули. С красными зарубились, — заорал один из них.

Канторович резко встал.

— Так, братва, собираемся отсюда, красные нас по-любому живыми не выпустят и панькаться с нами не будут. Ну, шо, дорогие гости, поможете нам обрести свободу в этом царстве тирании?

Сергей молча достал из карманов две «лимонки» и подбросил их на ладонях.

— Отойдите все к дальней стенке, ложитесь лицом вниз, прикройте головы. И на нарах все тоже ложитесь. Прикройтесь кто чем может. А чайничек ваш придется экспроприировать.

Сергей взял чайник, подошел к двери и внимательно её осмотрел. Она была массивной, обитой листовым железом. Однако её запоры были старыми, а главное — стена была не из камня, а из кирпича. Достаточно было взорвать кладку в месте, где находился сам запор, и дверь легко можно выбить.

Сергей выдернул кольца обеих «эфок», опустил их в чайник, из которого он предварительно вылил всю жидкость, и повесил этот чайник прямо на крючок, который располагался слева у двери. Сам же отскочил в левый от дверей угол, в то самое место, где стояло помойное ведро. По идее осколки от гранат и чайника не должны были туда залететь.

Раздался громкий взрыв. Камеру заволокло дымом и кирпичной пылью. Несколько человек вскрикнули — осколки всё же кого-то достали.

— Братва! Выбиваем двери — и айда отсюда! — крикнул Канторович. — Свобода или смерть! Бей красных, выходи на волю!

Несколько арестантов своими телами выбили остатки дверей, и вся камера рванула на двор. Там уже шла перестрелка.

— Ну, хлопцы, не поминайте лихом. У каждого своя дорожка, но, так миркую себе, мы

таки ещё встретимся! — Канторович кивнул братьям и скрылся в коридоре.

Сергей и Саша остались одни в камере.

— Ну, и что будем делать, братец? Занесло нас, как видишь, серьёзно. Читали про попаданцев, а теперь вот сами такими стали. Надо как-то здесь ассимилироваться, а то рано или поздно нас точно шлёпнут, хоть те, хоть эти... — Сергей вопросительно посмотрел на брата.

Саша ответил не сразу.

— Значит, так. Для начала надо просто, как ты говоришь, ассимилироваться. Пожить, посмотреть. Может, нас обратно вытолкнет. Кто его знает? А пока где-то осядем, посмотрим, что да как.

— Ты давай думай, что да как... Нам ведь жрать чего-то надо. И жить где-то тоже. В городе опасно, Григорьева Красная армия дня через два выбьет, начнутся проверки разные. А в июне здесь уже будет Деникин. А потом снова то красные, то махновцы, то белые. В общем, здесь оставаться не вариант. Надо куда-то в село. И прокормиться там легче.

Саша покачал головой.

— Не факт. Повсюду махновцы и более мелкие банды. Придётся прибиваться к кому-то. Но в одном ты прав: надо что-то жрать и где-то жить. Давай пока сваливать из города, а там видно будет. Сидеть и ждать у моря погоды опасно: ещё раз попадём либо к тем,

либо к этим — и всё, расстреляют или порубят. Я вижу, ребятки тут шустрые и особо не церемонятся. Так что пошли, там, по-моему, охрану уже перестреляли, насколько я помню, григорьевцы прискакали своих вызволять, сейчас в городе начнутся грабежи, мародерство, снова Григорьев войдёт в Екатеринослав и будет три дня бодаться с красными. Предлагаю раздобыть какой-то транспорт, потому что в этих чёртовых сапогах лично я пару километров только смогу пройти. Но для начала сходим на место нашего попадания, посмотрим, что там... Может, назад выкинет?

Сергей молча показал большой палец, и братья побежали на двор.

Глава пятая КУДА УЕХАЛ ЦИРК?

По пыльной дороге ехал странный фургон. Обычно между сёлами Екатеринославской губернии курсировали крестьянские подводы, нагруженные всяким скарбом. Селяне или ехали торговать на базар в Екатеринослав, или переезжали к родственникам подальше от войны, или везли продукты своим родным в соседние сёла, по которым прокатилась волна грабежей и реквизиций. Что, впрочем, было одно и то же. Иногда проезжали верткие брички-тачанки, которые батька Махно приспособил под

военные нужды, изобретя нечто вроде гибрида броневика и конницы.

Нестор Иванович, по сути, создал новый род войск — эдакую конно-пулемётную единицу, прообраз будущей мотопехоты. Тачанка стала продолжением идеи боевой колесницы, когда лучники поражали живую силу противника стрелами, а сама колесница сокрушала пехоту своими колесами, в которые были вставлены лезвия мечей. Махновские тачанки тоже косили вражеские цепи очень эффективно: всего один станковый пулемёт системы Максима мог существенно проредить и пехотные цепи, и конную лаву. А если таких пулемётов, мобильно появляющихся на острие наступления, было с десятков, то любая атака кавалеристов в конном строю захлёбывалась. И махновцы не раз и не два демонстрировали это грозное оружие, отражая тачанками кавалерийские атаки — и конных корпусов Миронова и Думенко, и казачьих сотен генерала Шкуро. В конце концов и красные, и белые тоже ввели в своих частях тачанки как отдельные боевые подразделения.

Но махновские тачанки редко шастали по одиночке. Чаще всего на них разъезжали так называемые атаманы Первой Повстанческой армии батьки Махно. И за такими тачанками всегда скакал небольшой отряд всадников. Махновцы никогда не передвигались пооди-

ночке — очень беспокойно было в Екатеринославской губернии, и ни быстрые кони, ни пулемёт Максима не выручили бы в жаркой схватке.

Иногда по сельским дорогам пылили автомобили, которые также сопровождали конные отряды. И совсем уж редко встречались люди, передвигавшиеся пешком: местные всегда ходили, как говорится, навпростець, то есть напрямик, игнорируя дороги. По той же причине отдельные всадники предпочитали скакать не по дорогам, а по полям, по долам. Поэтому фургон, появившийся на дороге к селу Царичанка, был странным сам по себе — редко подобные средства передвижения появлялись в этой местности. А уж его внешний вид совершенно выбивался из привычной картины, унылой и серой, несмотря на вступившее в свои права лето. Зелень полей уже пожухла — жаркое солнце выжигало степи, а боевые действия сразу нескольких армий и различных отрядов местных атаманов всех мастей от батьки Махно до батьки Зелёного оставляли за собой дым пожарищ и пепелища. Голубое небо посерело от дыма, а поля то и дело горели — жара и пожары делали свое дело.

Добровольческая армия генерала Деникина прорвала Южный фронт Красной армии и вела наступление на Харьков и Екатеринослав. Махновские повстанцы после раз-

рыва с большевиками совместно с отрядами атамана Григорьева, отступая в херсонские степи, оказывали отчаянное сопротивление частям Кавказской дивизии генерала Шкуро. Махно поддерживали крестьяне — продуктами, оружием, людьми, поэтому добровольческие полки устраивали в сёлах частые экзекуции. Деникинцы пороли, вешали селян, жгли сёла, правда, не полностью, а только дома сочувствующих батшке Махно. Разбитые Красной армией остатки дивизии атамана Зелёного отступали на Левобережье и, получив сокрушительный удар со стороны Днепровской военной флотилии красных, отходили от Екатеринослава, продолжая ожесточённо сопротивляться и красным, и белым.

Так что раскрашенный яркими красками цирковой фургон был как-то совершенно неуместен на фоне всех этих событий. Потому что цирк выглядит нелепо посреди дурдома. А именно так можно было назвать то, что происходило в конце июня 1919 года в районе Екатеринослава. Но жизнь есть жизнь, и каждый пытался заработать как мог. Поэтому отпочковавшиеся от харьковской цирковой труппы бродячие циркачи — борец Клаус Буш, его жена и дочка, выступавшие с акробатическими номерами, а также фокусник Яков Каплан — вот уже полгода колесили по Украине, давая представления в городах и сёлах.

Сергей и Александр примкнули к цирковой труппе полтора месяца назад. Пешком передвигаться по губернии было не очень-то удобно. Ведь ни документов, ни нормальной одежды, ни средств к существованию, а главное — даже планов на будущее у братьев, так внезапно очутившихся в прошлом, не было. «Транспорт», раздобытый Сергеем, — смиренная гнедая кобылка — оказался подходящим лишь для него самого, потому что Саша на лошадях ездить практически не умел. Сергей же занимался конным спортом пять лет и на любой лошади сидел как влитой. Поэтому из Екатеринослава Александру пришлось топтать в пешем строю. Причем босиком: немилосердно натиравшие ноги сапоги он всё же снял. Однако босиком передвигаться тоже оказалось не очень-то и сподручно, точнее, сподножно — то камни на дорогах попадались, то какие-то колючки. Или просто солнце так нагревало дорожную пыль, что ступать босой ногой было совершенно невозможно. К тому же непривычный к передвижению пешком Александр очень быстро заработал на обеих стопах большущие волдыри. Он было попробовал взять у брата пару уроков верховой езды, но смог сидеть на лошадке, только если она шла неспешным шагом. Любой другой аллюр был пока для Саши недостижим.

— Ничего, вот устроимся здесь, я тебя выдрессирую, — посмеивался над братом Сергей.

Увы, как раз с планами обустройства у братьев никак не складывалось. Они несколько раз заходили в сёла, однако смогли только кое-как добыть себе пропитание. Для этого им пришлось наниматься на подённую работу — чистили хлев, грузили муку на мельнице, а один раз даже копали колодец. И встреча с бродячим цирком стала для них счастливым билетом.

В селе Сурско-Литовском, где давал своё представление цирк Клауса Буша, на площади собралось довольно большое количество народа — было воскресенье, базар был в самом разгаре, а братья как раз подрядились на ремонт местной церкви и таскали наверх деревянные балки и кирпичи. Поэтому с удовольствием приняли предложение своего нанимателя сделать перерыв и вместе с ним посмотреть выступление циркачей.

Программа цирка Буша была довольно замечательная. Сам Клаус работал с железом — жонглировал двумя двухпудовыми гирями, гнул подковы, а также поднимал всех желающих, как штангу. Его дочка Марта показывала простенькие гимнастические этюды, жена Анна жонглировала мячиками и кольцами, а фокусник Яков Каплан демонстрировал карточные фокусы и доставал у зрителей из разных мест то цветные платки, то куриные яйца.

А в финале Клаус Буш вызывал всех желающих с ним побороться. Как правило, не иску-